

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ПЛАТОНОВУ VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВИЧА ПЛАТОНОВА

23–25 сентября 2014 года в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН прошла восьмая научная конференция: «Андрей Платонов и его современники».

Открыла первое пленарное заседание Н.В. Корниенко, руководитель платоновской группы, организатор конференций о Платонове в ИМЛИ РАН. А.Б. Куделин, директор ИМЛИ, заметил, что масштаб таланта Платонова подтвердила география участников конференции: в ней приняли участие учёные из России, Великобритании, Германии, Франции, США, Швеции, Бельгии, Японии, Южной Кореи.

Соучредителями конференции выступили Воронежский государственный университет, а также Литературный институт им. А. М. Горького.

Пленарное заседание открыл Ханс Гюнтер (Германия) докладом «Андрей Платонов и “литература факта”», где сообщалось о влиянии литературы факта на Платонова, вскоре понявшего: монтаж как принцип моделирования художественного текста несостоятелен. Писатель создал «Антисексус» как пародию на этот приём.

В докладе Н.Г. Полтавцевой (Москва) «Андрей Платонов об Андрее Платонове» было сказано, что Платонов сам выступает в качестве объекта своего анализа. «Записные книжки» рассматривались ею как соотношение творческого замысла и материала художественного текста.

В докладе Е.Н. Проскуриной (Новосибирск) круг платоновского чтения пополнился «Фаустом» Гёте. Присутствие фаустовского сюжета было выявлено методом анализа «микропоэтики» текста, его дешифровки, что позволило увидеть в платоновских произведениях не фауст-концепт и диалог с великой трагедией, а также элементы архетипического сюжета о сделке с дьяволом.

В докладе Н.М. Малыгиной (Москва) «Лучшие писатели в СССР: Андрей Платонов и его „друг-коммунист“» было высказана гипотеза о том, что определение «друг-коммунист» в дневнике К. Чуковского, где сказано о встрече с Платоновым у Б. Пильняка в ноябре 1931 года, относится к А. Веселому, т. к. этих писателей он считал лучшими в СССР. Выявлены переключки повести «Сокровенный человек» с рассказом «Реки огненные», сходство отношения писателей к коллективизации.

В.В. Вава (Воронеж) в докладе «Андрей Платонов и его философские современники» попытался обосновать спорную мысль о том, что гений «появляется из иных миров», что отменяет необходимость исследования философских влияний на Платонова.

В.В. Перхин (Санкт-Петербург) в докладе «А. Платонов и Л. Каганович: несостоявшееся сотрудничество» показал невозможность их диалога как результат различий их позиций и судеб.

Р. Ходел («Интервью с Семеном Платоновичем Климентовым», Германия) подготовил аудиозапись интервью с родным братом писателя.

Д.С. Московская (Москва) в докладе «Женщины и мужчины „Высокого напряжения“» выявила прототипов героев пьесы. Синтез литературоведческих и архивно-краеведческих изысканий позволил обнаружить в пьесе взаимосвязь нескольких «спрессованных» сюжетных слоев.

О.Ю. Алейников (Воронеж) в докладе «Платонов и воронежский Комсожур» отметил, что тщательная и последовательная работа с архивными материалами позволила писателю уточнить те жизненные реалии, которые отразятся в его поэтике. Воронежская земля, на которой родился писатель, вдохновляет и заряжает особой энергией: учёный реконструировал реальность, в которую был погружён Платонов на раннем этапе своего творчества.

С.И. Красовская (Москва) в докладе «Писатель читает: что читал и что вычитывал Андрей Платонов» уточнила круг чтения Платонова и его историко-литературную концепцию. Для писателя характерно уникальное понимание пушкинского универсализма. Прослеживая полемику Платонова с Луначарским, она высказала мысль, что Платонову близка историко-литературная концепция Розанова.

Е.А. Добренко («Платонов и Сталин читают друг друга: диалоги на тарабарском языке», Шеффилд) показал раз-

личие языкового «поведения» Платонова и Сталина. Учёный выделил две радикальные версии советского письма: платоновскую «зазеркальную», где важна намеренная неправильность говорения, которая обнажает абсурдность происходящего в стране, и сталинскую версию – «публичную». Ей свойственна логичность законоучения, тяготеющая к метафорическому «нажиму».

Н. Скаков (Стэнфорд, США) в докладе «А. Платонов и К. Атабаев: культурно-политические контексты туркменских поездок» представил фактический материал, относящийся к туркменским вещам Платонова: рассказу «Такыр» и повести «Джан». Остановился на личности К. Атабаева, с 1924 по 1937 г. председателя СНК Туркменской ССР, на его роли в туркменских поездках писателя.

Целый ряд докладов был посвящен кругу платоновского чтения. Так, *Е.А. Яблоков* («Антисексус на советской сцене», Москва) сделал предположение, что платоновский «Антисексус» написан под влиянием театральной постановки Н. Евреинова «Робот любви». *К.А. Барит* («Монографии Ч. Юнга “Солнце” и Т. Сведберга “Вырождение энергии” (книжная серия “Природа и культура”) в связи с формированием сюжетно-событийной основы романа “Чевенгур”», Санкт-Петербург) попытался обосновать связи между сюжетно-событийной основой романа «Чевенгур» и монографиями Ч. Юнга и Т. Сведберга из серии «Природа и культура». Поискам и анализу параллелей к тем или иным произведениям Платонова посвящены доклады Г.Н. Воронцовой («Тема Петра I в творчестве А. Платонова и

А.Н. Толстого», Москва); А.П. Казаркина («А. Платонов и Н. Клюев: прикосновение к гностицизму», Томск).

В первой секции произведения Платонова рассматривались в различных контекстах: социально-политического (А.Ю. Грязнова «Социально-политические контексты прозы А. Платонова 1930-х гг.», Н. В. Умрюхина «Производственно-политические реалии хроники “Впрок”»), авангардного искусства (Л.В. Червякова «Преодоление цвета: А. Платонов и авангардная живопись»), гротескного искусства (И.Н. Шатова «Платонов и современное гротескное искусство»), музыкальной культуры (А.В. Храмых «Музыкальные контексты публицистики Платонова воронежского периода», И.А. Яковлева «А. Платонов и массовая музыкальная культура»).

Вторую секцию открыл доклад А.А. Дырдина (Ульяновск) «Средне-Волжский край в образной местнографии А. Платонова». Учёный совершил поездку по следам поездки А.П. Платонова по Средней Волге. А.А. Дырдин уточнил имена и судьбы реальных людей, с которыми встречался или мог встречаться А. Платонов, историю создания рассказа «Блаженство в Мелекесе». В докладе Н.П. Хрящевой («Иеротопия кладбища в творчестве А. Платонова и В. Распутина», Екатеринбург) сопоставлена поэтика А. Платонова и В. Распутина. «Котлован» как определяющий знак платоновского времени не уходит из эпохи Распутина. Эта «устойчивость» определяется противоречием между человеком, оставшимся прежним, и непомерным масштабам его деяний, которые разрушают его изначальную соизмеримость с миром.

Платонову-сценаристу был посвящён доклад Р.Е. Климентьева («Андрей Платонов и Чарльз Спенсер Чаплин», Москва), где показано влияние немого кино и фигуры Ч. Чаплина на Платонова. К.С. Козут («Кинематографическое воплощение проблемы отцовства в сценарии “Отец”», Екатеринбург) сопоставил «Отец» с рассказом «Глиняный дом в уездном саду», что позволило раскрыть смысл отцовства в творчестве писателя 1930-х годов.

Е.В. Антонова («Вопросы атрибуции статей воронежской периодики», Москва) обозначила промежуточные результаты работы над статьями воронежского периода, которые могли принадлежать и перу Платонова.

Итоги конференции были подведены в Литературном институте им. А.М. Горького (Тверской бульвар, 25).

Здесь были сделаны доклады платоноведов из Японии и Южной Кореи. Акира Фурукава («От “Эфирного тракта” к “Джану”»: изменение в соотношении человека и природы в произведениях Платонова 1920–1930-х гг.»). Доклад переводчицы Юнсун Юн («Потерянные между двумя утопиями: финал романа “Чевенгур”») представил «Чевенгур» как неразгаданное произведение. Сусуму Нонака («Ситуативное сравнение в “Чевенгуре”») обратился к стилистике этого вершинного творения Платонова.

М.В. Богомолова (Москва) в докладе «А. Платонов и В. Шкловский: встреча кинематографистов» проанализировала киносценарный корпус платоновских произведений сквозь призму сложных взаимоотношений Платонова и Шкловского. Н.И. Дужина (Москва) в докладе «Литературные контексты “Ювенильного моря”» показала слож-

ную обстановку, в которой создавалась повесть Платонова. *Н.В. Корниенко* (Москва), завершая научную часть конференции докладом «Дискуссии о “Конармии” И. Бабеля в интерпретации А. Платонова», показала различие художественных подходов писателей к изображению гражданской войны, полемический взгляд Платонова на натурализм письма Бабеля.

Конференция стала научным форумом, который обозначил множество «белых» пятен в творческой судьбе Платонова и заинтересованность в их заполнении.

*Н.П. Хрящева,
Е.Н. Проскурина,
К.С. Когут*